

турные связи в эпоху Просвещения. М.: РГГУ, 2001. [*Tchoudinov A.V. Frantsuzskie agenty o polozhenii v Krymu nakanune russko-turetskoj vojny 1787–1791 godov // Russko-frantsuzskie kul'turnye svyazi v ehpuhu Prosveshcheniya. M.: RGGU, 2001.*]

Bourlet M., Lucas J.M. Statistique des gouvernements de Vilna et Grodno. Lituanie // L'Histoire. 2012. N 267.

Dundulis B. Napoléon et la Lituanie en 1812. Paris, 1940.

Ehrmann T.F. Neueste Länder und Völkerkunde, ein geographisches Lesebuch für alle Stände. III Band. Russland. Weimar, 1807.

Hassel J.G.H. Statistische Uebersichts-Tabellen der sämtlichen Europäischen und einiger aussereuropäischen Staaten. Goettingen, 1809.

Petri J.Ch. Neuestes Gemählde von Lief- und Ehtland, unter Katharina II und Alexander I in historischer, statistischer, politischer und merkantilischer Ansicht. Auch als ein Beytrag zur Kenntniss des Russischen Reichs. Leipzig, 1809.

Storch H. Historisch-statistische Gemälde des russischen Reichs. Riga, 1797–1803; Rußland unter Alexander I. St. Petersburg, 1803–1811.

Storch H. Statistische Übersicht der Statthalterschaften des russischen Reichs nach ihren merkwürdigsten Kulturverhältnissen. Riga, 1795.

Promyslov N. «Secret Weapon» of Revolt: Napoleon's preparing of campaign of 1812

During the preparation of the war against Russia in 1811-1812 the French command led by Napoleon considered the possibility of organizing of mass protests in Russian Empire as one of the most effective methods of warfare. The Russian elite also treated the population of «Russian Poland» as potential allies of the French. The landlords afraid also the revolt of serfs. However the hopes of one and fears of others didn't come true. Before the outbreak of hostilities the most of pro-French-minded residents of the western Russian provinces have emigrated to the Duchy of Warsaw or were sent off by Russian police. At the same time, the Polish nobles loyal to the tsar had good possibilities for their career in Russia. The large-scale robberies of the population by soldiers of the Grande Army during the war pushed away the local population from the French. Being afraid of an uncontrolled mass riot, Napoleon didn't decide to proclaim the serfdom cancellation in Russia.

Keywords: Patriotic war of 1812, Napoleon, mutual representations, serfdom, "Russian Poland", mass riots.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Пьер Серна*

ДИРЕКТОРИЯ – РЕСПУБЛИКА ЦЕНТРА? ОБМАНЧИВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НЕУЛОВИМОГО БУРЖУА

Ведущая роль буржуазии в революционных событиях XVIII в. в последнее время ставится под сомнение рядом историков, поднявших проблему «мифа о буржуазии». Эта социальная группа предприняла большие усилия, использовав всё экономическое и политическое влияние, для того, чтобы сохранить свое положение после Французской революции. Однако она не преуспела в создании собственной социальной идентичности, возможно, из-за того, что ее представители сознательно пытались скрыть свои истинные намерения. Тем не менее, они смогли удержать у себя политические и финансовые рычаги в период Республики Центра – режима, установленного Директорией.

Ключевые слова: Французская революция XVIII в., буржуазия, Директория.

Существование буржуазии, не вызывавшее ранее никаких вопросов, было недавно в некоторых работах поставлено под сомнение¹. Куда же пропала эта общественная категория, которая долгое время считалась ключевой при изучении Французской революции, была необходима для умозаключений и выводов специалистов, занимающихся социальной, политической и экономической историей, составляла незыблемую основу западноевропейской истории в целом и динамики экономических преобразований во Франции века Просвещения в частности? Неужели в

* *Пьер Серна, профессор Университета Париж I-Пантеон Сорбонна, вице-президент Международной комиссии по истории Французской революции.*

¹ В этой связи хотелось бы упомянуть вызвавшую много дискуссий работу С. Маза « Миф о французской буржуазии. Очерк о мнимой общественной группе». Ее ключевым тезисом является идея о том, что «французская буржуазия никогда не существовала». – *Maza S. The myth of the French Bourgeoisie. An Essay on the Social Imaginary. Cambridge (Mass.), 2003. P. 5.*

вихре стремительно развивавшихся событий конца XVIII в. мы не заметили ее исчезновения?²

Буржуазия – класс, который всегда осознавал свою идентичность, стоял на страже своих интересов и завоеваний и стремился сохранить свои новые прерогативы в обществе, основанном на его общественном и экономическом могуществе. Подобное определение было, по большей степени, результатом интеллектуального творчества мыслителей XIX в., заботившихся о защите своих новых привилегий и стремившихся их узаконить посредством создания агиографического и анахронического прочтения Революции, ключевым моментом которого стало возникновение буржуазии и ее признание в качестве общественной группы.

И даже критики буржуазии, осуждая методы, с помощью которых она стремилась доминировать в обществе, ставшем результатом политических изменений и предвосхищавшем то неравенство, что будет порождено индустриальной революцией, лишь способствовали тем самым формированию этого класса, достигшему своего расцвета в XIX в. С этим временем его и стали отождествлять.

Если придерживаться истории термина, то, возможно, в таком толковании есть доля истины. В словаре Французской академии наук, выпущенном в 1798 г., дано следующее определение буржуа:

«Буржуа, гражданин или гражданка города. Буржуа Парижа. Богатый буржуа. Добропорядочный буржуа. Зажиточный, обеспеченный буржуа. Это слово употребляется при обозначении совокупности граждан всего города. Буржуа подняли восстание. Буржуа взяли за оружие.

Рабочие, говоря о тех, на которых они работали, зачастую называли их «буржуа», вне зависимости от того, какое положение в обществе занимали последние. Именно в этом смысле говорилось о необходимости служить буржуазии.

Среди представителей некоторых ремесел было принято, чтобы подмастерья называли буржуа мастеров, у которых работали.

² Говоря о критике представлений относительно роли буржуазии в начале революционных событий, в ходе Революции и в процессе завоевания государственной власти, можно сослаться на лекцию А. Коббана по случаю открытия Университетского Коллежа в Лондоне 6 мая 1954 г. (См.: *Cobban A. The Myth of the French Bourgeoisie. An inaugural lecture delivered at University College, London 6 may 1954. L., 1955*), ставшую своего рода ответом на статью Ж. Лефевра «Миф о Французской революции» (AHRF. 1956, № 19. P. 337-345). См. также: *Hobsbawm E.J. The Making of a Bourgeois Revolution // The French Revolution and the Birth of Modernity / Ed. by F. Féher. Berkeley-Los Angeles, 1990. P. 34; Benigno F. Specchi della rivoluzione, conflitto e identità politica nell'Europa moderna. Roma, 1999. P. 3-59.*

Слово «буржуа» также употреблялось в уничижительном смысле, с целью упрекнуть кого-либо в его недворянском происхождении или в неумении держаться в свете. Это всего лишь мещанин. Чувствуется его мещанское происхождение.

Прилагательные «буржуазный», «буржуазная» употреблялись в различных значениях, как в положительном, так и в отрицательном. В первом значении, например, когда говорили «буржуазное поручительство», то имелось в виду платежеспособность. «Буржуазный» также означал обычный, заурядный. К примеру, когда речь шла об обычной, повседневной пище, «буржуазным супом» называли хороший суп, но без мясного бульона. «Буржуазным» считалось хорошее неразбавленное вино, в противопоставлении столовому. В отрицательном же значении, иметь буржуазный вид, буржуазные манеры означало прослыть обывателем, не имеющим представления о высшем свете.

Наречие «по-буржуазному» употреблялось в отношении привычек и образа жизни, что означало жить обыденно, попросту.

Термин «буржуазия» применялся для характеристики группы людей. Водить дружбу с буржуазией, заручиться поддержкой буржуазии³.

Из этого широкого спектра определений можно сделать вывод об отсутствии четкого представления о самом слове «буржуазия». Было вполне возможным называться «буржуа» и в силу своего состояния, и в силу своей профессии, и, не будучи дворянином, в силу своего социального происхождения. В последнем случае, поскольку термин указывал на социальный статус, его коннотация являлась положительной⁴.

Расширение статьи дает ключ к ее пониманию. В республиканской Франции 1798 г. все еще ощущалось то влияние, которое оказывало поведение и образ жизни дворянства на нравы людей, их мироощущение и восприятие ими социальной действительности⁵.

Отмена сословных различий и провозглашение равенства граждан являются двумя свершившимися фактами конца XVIII в., которые лежат в ос-

³ Dictionnaire de l'Académie française, cinquième édition. T. 1 : A-K. P., an VI [1798]. См. также: *Maza S. Op. cit. P. 24-26.*

⁴ Достаточно перечитать в «Картинах Парижа» Л.-С. Мерсье главы XX «Буржуа», XXVII «Мелкий буржуа», CLX «Судьба буржуа» – *Mercier L.-S. Tableaux de Paris. P., 1994. P. 61, 80, 378.*

⁵ Патрис Игоннэ несомненно прав, показывая в своей работе исключительную суверенность законов времен Директории, направленных против представителей дореволюционного дворянства. Эти законы принимались такими, как если бы имели целью нейтрализовать действительное или предполагаемое влияние, которое все еще оказывало не подвергнутое уничтожению дворянство. См.: *Higonnet P. Class, Ideology and the Rights of Nobles during the French Revolution. Oxford, 1981.*

нове «социальной фантазмагии» общества, по-прежнему, опирающегося на признание социальных различий и систему общественной иерархии⁶.

Даже год выпуска словаря Французской Академии наук – 1798 не должен вводить в заблуждение. Это было время, когда благодаря введению воинской повинности, воинская честь, братство по оружию, благородство и доблесть, проявленные на полях сражений, вновь приобрели свое значение и начали вытеснять ценности буржуазии, которую постоянно изобличало общественное мнение, обвиняя в том, что она ставит свои интересы выше общественного блага⁷.

Кого же сделать символом молодой республики: солдата Бонапарта или буржуа Рапина? Имеет ли этот вопрос ответ? В случае сомнений, вторая часть приведенного выше определения, данного в словаре 1798 г., подчеркивает социальные отличия: буржуа – это, прежде всего, тот, кто не является дворянином. В этом смысле слово «буржуа» употребляется, в первую очередь, чтобы провести четкую грань: «он всего лишь...», постоянно указывая на посредственность и ограниченность «маленького буржуазного мирка».

Каким образом буржуа мог отстаивать право сохранять верность своей буржуазной природе в самый разгар военных действий, подъема патриотических настроений, экзальтации и героизма, когда боевой дух, мужественность, гордость от принадлежности к сильному полу играли определяющую роль? Учитывая подобные обстоятельства, разве стоит 200 лет спустя удивляться тому, что буржуа был неприметным?

Сравнение с более ранним изданием словаря Французской академии 1778 г. выявляет удивительную особенность: определение термина чуть более чем за 10 лет до начала революционных событий совершенно идентично тому, которое было дано в 1798 г.! То есть, между 1778 и 1798 гг. не произошло никакого сколько-нибудь значимого события, способного изменить значение слова «буржуа» в соответствии с исторической ситуацией и тем новым местом в обществе, которое могла бы завоевать со-

⁶ Достаточно упомянуть возврат к моде Старого порядка, отражавший стремление, во что бы то ни стало, противостоять аскетизму якобинской республики. См.: *Au temps des Merveilleuses, la société parisienne sous le Directoire et le Consulat*. P., 2005. P. 70-74.

⁷ Понадобилась вся изобретательность человека, пропитанного сознанием принадлежности к высшему сословию, чтобы объяснить ценности буржуазной республики генералу-победителю, только что заставившему австрийцев написать мир в Кампо-Формио. Талейран, принимавший Бонапарта 10 декабря 1797 г., напомнил ему в своей речи, что «вульгарные почести» не идут ни в какое сравнение с «добродетельным почтением». – Цит. по: *Migliorini L.M. Napoléon*. P., 2004.

циальная группа, вышедшая победительницей из революционных событий. Приложение к словарю, предназначенное специально для неологизмов, столь многочисленных в период революционного десятилетия, не дает никаких объяснений. Более того, из статьи словаря 1798 г. исчезло пояснение, присутствовавшее в словаре 1778 г. издания: «Применяется также в отношении ротюрье при противопоставлении дворянину. Он не является дворянином, но считается добропорядочным буржуа...». Неужели слово «ротюрье» испугало издателя?

Если словарь передает языковое отражение действительности таким образом, что является своего рода запечатленным моментом истории общества, представленной в алфавитном порядке в виде слов, то почему тогда главенствующая роль, приписываемая историками буржуазии, в нем столь мало заметна и неопределенна?⁸ Стоит задуматься о том, почему в словаре, столь консервативном по своему содержанию, как словарь Французской академии, авторы которого прекрасно представляли социальную иерархию, определение «правлящего класса» имело не положительную, а скорее отрицательную коннотацию по отношению к «верхам» социальной лестницы, до уровня которых буржуазии так и не удалось добраться.

Отвечая на этот вопрос можно зайти в тупик, если не учитывать множество невидимых, но вполне ощутимых социальных функций буржуазии, которые не нашли отражения в письменных свидетельствах, но играли важную роль в существовании системы общества и в представлении современников имели сущностное значение⁹. Если отвлечься от застывших выражений и лингвистических оборотов и обратиться к событиям времен Революции, то следует учесть: они развивались с такой быстротой, что лишь наиболее дальновидные их участники осознавали происходящие перемены.

Слова, употреблявшиеся в ту или иную эпоху, не могут в полной мере отражать социальную действительность. Сама по себе специфика использования или ухода из обращения тех или иных оборотов речи не

⁸ См.: *Waquet J.-C. La conjuration des dictionnaires : vérité des mots de la politique dans la France moderne*. Strasbourg, 2000 ; *Serna P. Le dictionnaire roturier de Furetière ou le noble démystifié par l'alphabet // Littérature classique*. 2003. № 47. P. 225-243.

⁹ Роберт Дарнтон прекрасно объяснил, что наиболее тяжким испытанием для историка является не столько поиск документов или письменных исторических свидетельств, сколько выявление тех событий, которые являлись настолько очевидными для современников, что они даже не считали нужным оставить о них письменных свидетельства для будущих поколений. См.: *Darnton R. Le grand massacre des chats*. P., 1985. P. 9-14.

может быть единственным объяснением отсутствия общепринятых выражений, отражающих характерное поведение и культуру той или иной социальной группы. Несмотря на отсутствие терминов, социальная, экономическая и политическая роль буржуазии в период Директории была четко определена.

Заслуживает ли буржуазия политической истории?

Дени Вороноф удачно назвал свою монографию о Директории «Буржуазная республика»¹⁰. И действительно, существует неоспоримая связь между режимом, созданным конституцией III года Республики, и этой социальной группой, сумевшей извлечь необходимые преимущества в период 1789-1794 гг., которые, однако, тогда еще не были закреплены за ней окончательно.

Отныне буржуазия стремилась любой ценой отстоять приобретенную собственность и свою новую роль, давая ожесточенный отпор всем требованиям «низов», относительно установления режима более широкой демократии и раздела национальных богатств. Она также препятствовала любому возможному возврату к Старому порядку, опасаясь восстановления в правах бывших собственников¹¹.

В действительности, по мере того, как возрастали общественная роль и экономические притязания буржуазии, она выстраивала не столько политический режим, сколько систему, которую Буасси д'Англа, представляя весной 1795 г. текст новой Конституции, назвал «правлением лучших» собственников, «наиболее образованных и наиболее заинтересованных в поддержании законов»¹².

Таким образом, становится понятен образ мыслей этих добропорядочных граждан, которых вряд ли можно считать героями революционных событий. Равенство в правах было ими задумано лишь для того, чтобы сделать возможным свободную реализацию талантов, отличающихся друг от друга, но при этом сохранить социальный строй, основанный на священном праве частной собственности.

¹⁰ Woronoff D. La République bourgeoise de Thermidor à Brumaire, 1794-1799. P., 1972.

¹¹ Говоря об основах режима Директории, буржуазного по своему определению, можно сослаться на работы А. Матьеза. В них ясно обозначена причастность общественной элиты времен Директории к событиям III года Республики, приведшим к смене режима. См.: Mathiez A. Le Directoire, du 11 brumaire an IV au 18 fructidor an V. P., 1934.

¹² Discours du 5 messidor an III de Boissy d'Anglas // Moniteur Universel. 1795. T. 35. P. 92-93.

Республика «лучших» создавала прочную основу для режима меритократии, находящегося под защитой новых собственников, чье господствующее положение в обществе гарантировалось имущественным цензом, а также было подтверждено введением высшей палаты парламента Совета старейшин. Закат революции стал временем расцвета буржуазии¹³.

Новая элита всё больше заявляла о своих правах. Она далеко не всегда называла себя буржуазией и имела пока еще довольно смутные очертания, но именно ей предстояло создать новое социальное пространство, в котором не было места ни участникам Революции, ни представителям дворянства Старого порядка, все еще не избавившимся от иллюзии возвращения к временам монархии.

В намерение депутатов, ставших хозяевами положения после чистки Конвента от опасных монтаньяров, входило создать текст новой Конституции, который должен был прийти на смену так и не вступившей в силу Конституции I года Республики. Некоторые историки усматривают в этом стремление проводить «классовую политику» (термин, использовавшийся в ту эпоху). Кампания в прессе, организованная леворадикальной газетой *Journal des Hommes Libres*, изобличала представителей той буржуазии, что выдвинулись на авансцену во времена пост-термидорианской реакции, и называла их «новыми аристократами», которые еще хуже прежних. Разумеется, сам термин «буржуа» не служил поводом для дискуссий, но символы принадлежности к этой социальной группе, стали одной из основ того нового общественного строя, который установился во Франции после восстаний жерминаля и прериала III года Республики. Никто не мог бы высказаться на сей счет лучше Антонеля, главного редактора данного издания. Год спустя он, вспоминая события жерминаля и прериала, писал:

«В распоряжении зажиточного класса есть всё, чтобы контролировать общественное мнение: время, деньги, агенты, литература, печатная пресса, театры, салоны, тайные беседы, личные знакомства, званые обеды, бесчисленные средства получения и передачи информации. Все его представители способны читать и писать, в то время как половина остального населения неграмотна»¹⁴.

Автор делал вывод, что планы господствующего класса состояли в том, чтобы негласно, но неуклонно, укреплять свою власть, что не могло

¹³ Luzatto S. L'automne de la révolution, Luites et cultures politiques dans la France thermidorienne. P., 2001.

¹⁴ Journal des Hommes Libres. № 135. 2 ventôse an IV [13 mars 1796]. P. 543.

не навлечь на него ненависть народа. Изобличая хитрость и проницательность буржуазии, Антонель фактически описал современные средства, при помощи которых правящий класс стремится утвердить своё действительное или мнимое господство и узаконить свои методы управления¹⁵.

Дает ли пересмотр истории Директории ключ к пониманию роли буржуазии в политической жизни?

Помимо социального бытия буржуазии еще одним подводным камнем на пути понимания ее роли является проводимая ею политика, которая якобы являлась последовательной и принципиально новой. Хотя буржуазия, безусловно, существовала, но приписываемая ей политика, в свою очередь представляется очередным мифом.

В использовании исторических терминов необходимо прийти к единому знаменателю. Разве кто-либо из исследователей, принадлежащих к новому направлению историографии, станет отрицать очевидную связь между принадлежностью индивида к той или иной общественной группе и политической линией, которой он придерживался и посредством которой отстаивал свои социальные интересы? Как известно, в период Директории среди контрреволюционеров оказалось много тех, кто, несмотря на свою принадлежность к буржуазии, в начале Революции боролся за установление демократического режима. Однако, когда для буржуазии наступило время принятия определяющих политических решений, она предпочла руководствоваться своими экономическими и социальными интересами. Кроме того, этой общественной группе так и не удалось сформировать свою социальную идентичность, и это обстоятельство помешало ей проводить в жизнь собственную политику.

Не является ли в этом отношении весьма показательным конец режима Директории? Из-за своей идеологической слабости и неспособности определить собственную социальную идентичность буржуазия отказалась от своей республики ради военной диктатуры, осознанно принося своё политическое влияние в жертву экономическим и социальным интересам. Это произошло летом 1799 г., когда возникла угроза возврата к власти демократично настроенных республиканцев. Будучи новой элитой, буржуазия оказалась неспособна придерживаться социально-политического курса, заданного Конституцией III года Республики. Тем не менее, после переворота 18 брюмера она довольствовалась неким по-

¹⁵ Serna P. Antonelle, aristocrate révolutionnaire, 1747-1817. P., 1997. P. 286-289. О критике этой буржуазии, которая провозгласила себя аристократией и пыталась воплотить в жизнь свои мечты, став вторым сословием, см.: Bourdieu P. La noblesse d'Etat, Grandes écoles et esprit de corps. P., 1989.

добием престижа, когда создала новый двор вокруг Первого консула и будущего императора, который, в свою очередь, проявлял настоящую изобретательность, заставляя забыть о буржуазном происхождении некоторых новоявленных собственников. Новый вид отличия – принадлежность к имперской знати стал символом успешного объединения старых и новых общественных групп и возврата к забытому дворянскому сословию.

В то же время, подобное соединение общественных интересов представляется скорее поражением буржуазии, оказавшейся неспособной в одиночку управлять страной и взять на себя ответственность за новые ценности. Означало ли это, что тот, кто, находясь на вершине государственной власти, создавал сплав старого и нового, и те, кто стремился извлечь из этого выгоду, войдя впоследствии в состав Ордена Почетного легиона, не понимали друг друга? Было ли это циничной игрой со стороны того, кто осознанно проводил подобную систему в жизнь? Новый хозяин Франции стремился упрочить свою власть, по крайней мере, до 1813 г. с помощью пестрой смеси популизма и милитаризма, одновременно простонародного и дворянского по своей природе. Он пресекал все попытки представителей буржуазных кругов, находившихся у власти с 1795 по 1799 гг., сформировать на национальном уровне систему ценностей, главными из которых стали бы добропорядочность и приобретение имущества честным путем. Им так и не удалось достичь своей цели, а в 1806 г. настало время Континентальной блокады, когда торговые отношения с Англией оказались невозможны. После поражения же 1813 г. новая элита отреклась от своего господина, поскольку деловые интересы были для нее превыше всего.

Однако постоянно всплывает один и тот же вопрос: а можно ли избежать устаревшего понимания республики времен Директории как буржуазной по своей сути и, в силу этого, слабой в политическом отношении и коррумпированной в моральном плане? Вместо того, чтобы тратить время на поиски призрака буржуазии, может быть, стоит задуматься о существовании в то время некой лаборатории политических экспериментов, в которой могла бы быть сформулирована подлинно буржуазная идеологическая программа?

Иными словами, существуют ли политические идеи, воплощенные в жизнь правительством между 1795 и 1802 гг. до того момента, как режим Консульства приобрел авторитарный характер? И можно ли говорить о том, что эти идеи были оригинальным и точным воплощением замысла господствующего класса? Существуют ли, помимо просопографических

данных, некие признаки по которым можно было бы в данный момент революционного десятилетия определить коллективную позицию буржуазии, сознававшей свою ответственность за управление страной¹⁶?

После выборов V, VI и VII годов Республики, повлекших за собой институциональный кризис и перестановку политических сил, уместно ли ставить вопрос о месте буржуазии в политическом спектре: находилась ли она «справа», «слева» или же в «центре»? Почти никогда не принимался во внимание тот факт, что буржуазия могла занимать центристскую позицию и опираться на продуманную программу, способную стать основой государственной системы. В историографической традиции историки, как «левых», так и «правых» взглядов, не придавали значение «центру». Они не рассматривали его ни в контексте политических течений, ни с точки зрения идеологической идентичности, четко обозначенной и очевидной настолько, насколько могли позволить постоянно менявшиеся обстоятельства и кризисы, в зависимости от которых политический центр эволюционировал в разных направлениях¹⁷.

Те, кто пытался скрыть свои «правые» взгляды, говорили, что центр вообще «не существовал» или являлся «прикрытием правых идей». Центр сам по себе не имел никакого значения, поскольку придать смысл идеологической борьбе могло лишь четко выраженное политическое деление на «правых» и «левых», возникшее осенью 1789 г. среди депутатов Национального собрания. Принадлежность к любой другой политической группе рассматривалась как отсутствие твердой позиции, присущее мелкому буржуа, не обладавшему четкими политическими взглядами и руководствовавшемуся лишь боязнью всё потерять¹⁸. История борьбы «правых» и «левых» и, в особенности, ее отражение в историографической традиции Франции долгое время мешали принять идентичность «центра». В результате чего он приравнивался к некой химере, мифу, который, в свою очередь, считался производным от мифа о буржуазии¹⁹.

¹⁶ Поскольку этот вопрос задается с точки зрения историка политических течений, попытаемся дать определение слову «буржуа» через критерии, установленные Конституцией III года Республики для участия в собрании выборщиков, назначающих депутатов двух палат.

¹⁷ Serna P. Existe-t-il un extrême centre? Le point aveugle de la république directoriale, l'exemple de La Décade // Des notions-concepts en révolution. P., 2003. P. 149-167.

¹⁸ Allouche E. Plaine, marais ou tiers parti à la Convention Nationale, 1792-1795: historiographie et perspectives de recherches. Thèse DEA. Paris I. P., 2004.

¹⁹ Winock M. La fièvre hexagonale : les grandes crises politiques de 1871 à 1968. P., 1986. Также уместно сослаться на вышеупомянутую монографию Сары Маза, которая еще больше убеждает в том, что миф о происхождении буржуазии, лежавший в основании создания других мифов, не позволяет составить четкое представление о

В свете представления о том, что «центр» не существовал или был обречен на неудачу, которая постигла Директорию, тщетно стремившуюся найти «золотую середину», воплощением которой считалась конституционная монархия, принадлежность тех или иных политиков к «центру» не была очевидной. Подразумевалось, что представители буржуазных кругов, не имея собственной политической идентичности и политических интересов, примыкали то к «правым», то к «левым», завися от воли обстоятельств и прихоти представителей «мелкой» или «крупной» буржуазии, которые то и дело заключали между собой компромиссы, также являвшиеся буржуазными по своей сути²⁰.

Новое прочтение опыта Директории позволяет совершенно по-иному подойти к решению этой проблемы и предположить, что буржуазия, прошедшая испытания Революцией, предприняла попытку воплотить в жизнь политику центра, гарантом которой она могла бы стать. Действия Директории не соответствуют тому малопривлекательному образу не имеющего прочной основы, коррупционного режима нечистых на руку адвокатов, продажных чиновников и сомнительных «нуворишей», который был создан историками, увлеченными идеями якобинцев или политикой «возврата к порядку», проводившейся во времена Консульства.

Потерянная «Республика центра»?

Не имея ни постоянных избирателей, ни надёжной социальной опоры, способной оказать поддержку в случае кризиса, республиканское правительство времен Директории проводило в жизнь политику, имевшую целью сохранение завоеваний Революции и общественного порядка²¹.

20 термидора V года Республики в журнале *La Décade* появилась статья Бьенвеню «Размышления о внутреннем положении Франции», где от-

политической ситуации того времени, в частности о существовании политики центра.

²⁰ Следует отметить, что в истории было два периода, которые по праву можно считать «золотым веком» находящейся у власти буржуазии. Именно в это время были предприняты попытки по созданию политики центра, которые в 1830-е гг. определяли написание истории Революции, формирование письменных источников, отражавших политику Тераора, публикацию мемуаров последних участников событий. Авторы последних стремились по-своему переписать собственную биографию.

²¹ Такие мыслители, как Грамши и Альтоссер, посвятили значительную часть своей жизни изучению основ государственной идеологии (Positions 1964-1975. P., 1977), без которой была невозможна экономическая жизнь ни для тех, кто управлял государством, ни для тех, кем управляли. Понимание необходимости такой идеологии очень рано пришло к буржуазии, стремившейся к обогащению при любом политическом строе. Кроме того, во времена Революции, Директории и Консульства важное значение для постепенной выработки республиканской этики имеют конфликты и столкновения интересов.

мечалась настоятельная потребность Республики в обеспечении себя надежным электоратом спустя два года после установления режима Директории²². Едва успел завершиться Вандомский процесс над участниками «заговора Бабёфа», опасность которого была сильно преувеличена, как сторонники монархии одержали уверенную победу на выборах.

Для тех, кто находился у власти, а также для простых граждан, являвшихся читателями *La Décade*, проблема заключалась в том, чтобы найти такую социальную группу, которая, подобно дворянству при Старом порядке или санюлотам в 1793 г., могла бы стать олицетворением режима Директории и, в случае необходимости, его надежной опорой. Настало время добропорядочным гражданам, представителям буржуазии, выдвигаться на авансцену²³. Эта общественная группа, интересы которой отстаивала *La Décade*, не всегда принадлежала к экономической и социальной элите общества, но она наделила своими качествами новую категорию граждан, благодаря чему сложились условия для употребления нового политического термина «буржуа-гражданин»²⁴. Эта социальная категория «всегда включала в себя наиболее образованных людей», а также тех, чей новый статус гражданина-собственника позволял заявить о своей идентичности в гражданском и политическом отношении. Обращаясь к ним, Бьенвеню писал:

«Чего вы добивались в 1789 году? Законов и безопасности. Чего вы требовали 9 термидора, когда было сброшено иго народных тиранов? Безопасности и законов. Ваше желание сбылось. Отныне Конституция, из которой законодатель может узнать о своих обязанностях, а гражданин – о своих правах, не позволит вернуться ни к абсолютной монархии, ни к временам анархии и демагогии; она дарит вам самое ценное сокровище, о котором только можно мечтать»²⁵.

Формирование политического центра сознательно было вынесено за пределы политических дискуссий и рассматривалось сквозь призму борьбы «партий», о чем на протяжении последующих четырех лет неустанно заявляли термидорианцы. Создание центра происходило вне идеологических споров и освещавшихся прессой выступлений на собраниях, без полемики и памфлетов. Отныне положение каждого индивида в обществе должно было определяться не принципами и ценностями, а талантом и достоин-

²² *Considérations sur la situation intérieure de la France par L. Bienvenue, habitant de Montcontour, dans les Côtes du Nord. // La Décade, philosophique, littéraire et politique, par une société de Gens de Lettres, 20 thermidor an V, 7 août 1797. P. 311-320. Подробнее см.: Serna P. La république des girouettes, 1789-1815 et au delà une anomalie politique : la France de l'extrême centre. Champ-Vallon, 2005.*

²³ *Bienvenue L. Considérations sur la Situation intérieure de la France.*

²⁴ *Ibid. P. 316.*

²⁵ *Ibid. P. 320.*

ствами, лишенными априори какой-либо идеологической направленности. Именно это являлось ключевым элементом в процессе образования данного буржуазного центра, основанного на двух принципах: правительство, обеспечивающее порядок, и защита материальных интересов граждан, что, в свою очередь, порождало очевидное для всех социальное расслоение.

Будучи одним из инициаторов процесса деполитизации, Жан-Багист Сэй, полагал, что буржуазии была свойственна политика умеренности. Он характеризовал ее как наиболее многочисленную, но ничем не выделяющуюся социальную категорию, существование которой было очевидно для всего французского общества:

«Возьмите любого не причастного к политике гражданина, честно исполняющего свои обязанности, не извлекая при этом для себя никакой пользы. Он умерен в своих желаниях, не беден, но и не выставляет свое богатство на показ, и, занимая это среднее положение между богатством и бедностью, наделен знаниями и добродетелями. Возьмите человека, преданного своей родине, семье и друзьям. <...> Возьмите любого здравомыслящего человека. Здравомыслие – очень важный, применимый ко всему принцип, который никогда не выйдет из моды. <...> И вы увидите, что после пережитых во время Революции несчастий, всё постепенно возвращается на круги своя: восстанавливается доверие, возвращаются в обращение капиталы, промышленность и сельское хозяйство, получив новый импульс для своего развития, обогатят Францию и предоставят всем гражданам возможность сделать состояние честным путем»²⁶.

Несмотря на то, что Сэй ни разу не употребил термин «буржуазия», вся эта политическая программа свидетельствует о желании найти при помощи Конституции III года Республики компромиссное решение: трудиться на благо добропорядочных граждан и осуществлять экономическую деятельность, контролируемую буржуазией – социальной группой, контуры которой еще не были четко очерчены. В стремлении узаконить свои полномочия с целью покончить с Революцией буржуазия руководствовалась не только требованиями времени, но пыталась также осмыслить последствия длительного исторического процесса, в результате которого земельные собственники превратились в господствующую социальную группу.

В 1799 г. председатель Совета пятисот, один из организаторов переворота 18 брюмера, являвшийся одновременно другом Сийеса и братьев Бонапартов, Булэ де ля Мёрт, обратился к прошлому, размышляя о смысле событий, произошедших в XVII в. Он пришел к выводу о неизбежности Английской революции, главными действующими лицами которой были

²⁶ *La Décade. № 19. 10 germinal an VI. P. 319.*

представители буржуазных и аристократических кругов. В конце XVII в. Славная революция в Англии завершила долгий процесс, результатом которого стало подписание Билля о правах 1689 г. и процветание английской экономики в течение всего XVIII в.²⁷ В основе его «Очерка об английской истории» лежит идея о том, что в течение многих лет торговцы, судовладельцы, промышленники и земельные собственники стремились к власти²⁸.

И действительно, историки обращали внимание на тот факт, что со времен основания монархии, в течение многовекового процесса, начало которого восходит к завоеванию Вильгельма Завоевателя, для укрепления королевских институтов власти большое значение имели войны и их неизбежное следствие – налоги. Именно с того момента берет отсчет длившееся столетиями соперничество между королем, крупными и мелкими сеньорами, держателями земли, этот длительный и болезненный процесс, в ходе которого третье сословие старательно накапливало земельную собственность и недвижимое имущество, достигнув в конечном итоге экономического господства. В начале XVII в. его представители стали выдвигать и политические требования, а также стремились добиться признания в обществе.

Причиной кризиса в Англии, предшествовавшего революции 1640 г., стали, по мнению Булэ, разногласия между королем, олицетворявшим государственную власть, общественным мнением, выраженным в газетах, контролируемых новым классом собственников, и Палатой Лордов,

²⁷ Биография Булэ является свидетельством того, как благодаря особым обстоятельствам буржуа по происхождению оказался на вершине государственной власти, стал членом Ордена Почетного легиона и министром в эпоху Империи. Булэ родился 19 февраля 1761 г. в Шемузе. С 1783 г. работал адвокатом в Нанси, во время революции, в 1792 г., записался волонтером в батальон Мёрты. Ему предстояло сыграть важную роль в событиях 18 Фрюктидора и 18 Брюмера, когда, по его мнению, он стремился защитить оказавшееся под угрозой свержения республиканское правительство. Булэ был одним из создателей Конституции VIII года Республики, принимал деятельное участие в дискуссиях в ходе разработки Гражданского кодекса, заложившего правовую основу современного французского общества. 14 сентября 1802 г. он возглавил комиссию по решению спорных вопросов, связанных с продажей национального имущества. Ни по одному из рассмотренных им 15 тыс. дел он не вынес решения, шедшего вразрез с его собственными убеждениями. Хотя Булэ и не принадлежит к числу буржуазных мыслителей, неоспоримым является его решающее участие в создании основ существования французской буржуазии, а именно – в процессе концентрации проданной во время Революции земельной собственности в руках имущего класса, надежным доходом которого стала земельная рента.

²⁸ *Essais sur les causes qui, en 1649, amenèrent en Angleterre l'établissement de la république ; Sur celle qui devaient l'y consolider ; Sur celles qui l'y firent périr*, par Boulay de la Meurthe représentant du peuple. 2e éd P., an VII [1799].

стремившейся отстоять престиж английского дворянства. Подобный анализ причин английской революции в контексте ситуации во Франции 1799 г. может быть оспорен историками. Он не представляется оригинальным, поскольку отражает буржуазную точку зрения на события революции, которая выглядит скорее захватом власти, осуществленным зажиточными слоями общества, а не завоеванием свободы.

Согласно Булэ, в тех условиях свобода состояла в том, чтобы, имея талант к предпринимательству, получить возможность честным путем заработать состояние. Республиканская модель в том виде, в каком она постепенно установилась в Англии с 1640 по 1660 г., была реальностью не только де юре, но и де факто, в силу того, что «народ являлся суверенным и, обладая численным превосходством, талантами и добродетелью, сосредоточил в своих руках доходы от промышленности, движимого и недвижимого имущества»²⁹.

Тому же самому Булэ предстояло сыграть решающую роль в государственном перевороте 18 брюмера. Именно после этого события настал решающий момент, когда был установлен режим, основанный на политических интересах: «Не подлежит сомнению тот факт, что для нас настали другие времена, перемены были сделаны нами и для нас самих. Гарантией существования нашего политического режима отныне является материальный интерес». Так, постепенно стала зарождаться идея об административной Республике, эффективной по своей природе и нейтральной в политическом отношении. Ее опорой были зажиточные граждане, связанные между собой политическими, социальными и экономическими интересами.

Республика центра любыми средствами стремилась предотвратить возврат, как к Старому порядку, так и к эпохе Террора. Несмотря на различие политических режимов Директории и Консульства, она все больше и больше укрепляла свои позиции, основываясь на принципе собственности и все более очевидных социальных отличиях буржуазии III года Республики. Общество, одновременно либеральное и полицейское по своей природе, стремилось соединить государственные свободы со свободой предпринимательства, прекрасно сочетавшейся с общественной безопасностью, которую должны были гарантировать новые институты власти. Булэ описывал это таким образом:

²⁹ *Ibid.* P. 56. Не стоит сомневаться в том, что Булэ проводил четкую грань между понятиями «народ» и «уравнители». Он называл «народом» ту часть населения, представители которой обладали имуществом и исполняли роль активных граждан. Отсутствие термина как такового не должно ввести в заблуждение, и в 1799 г. было очевидно, о ком говорил Булэ.

«При каком правительстве граждане пользуются наибольшей свободой? Когда подчиняются законам? Нет. А тогда, когда каждый подчиняется самому себе. Но разве можно назвать цивилизованным общество, члены которого подчиняются лишь самим себе? Не в этом ли состоит свобода дикарей? Именно, но также счастливая привилегия граждан, имеющих представительное правление»³⁰.

На смену пустым рассуждениям пришли насущные проблемы, и хорошее правительство должно было защищать материальные интересы граждан, о чем говорилось в *Journal de Paris*. В этом издании отныне освещались такие вопросы: необходимость закрыть список эмигрантов; выплата недоимок по земельным рентам во втором полугодии VII года Республики; новые методы взимания налогов; обязанности сборщиков налогов; реформа амортизационного фонда; определение новых налогов на земельное и движимое имущество в 1799 г.; увеличение регистрационного и гербового сбора; установление новых сроков для покупателей, утративших свои права на приобретенное ими национальное имущество; погашение задолженностей, оставшихся от прежних распорядителей финансов; рассмотрение предложений о выпуске памятной медали, посвященной введению новой метрической системы; обсуждение Конституции и возможности заключения мирного договора; восстановление кредита и, наконец, новый лозунг «Свобода, равенство, собственность».

Разумеется, само слово «буржуа» отсутствовало в той программе, тем не менее, разве будет преувеличением предположить, что в ней просматривается стремление защитить интересы именно тех общественных слоев, представители которых находились у власти в последние годы XVIII в. Что же из себя представляла буржуазия? Социальную категорию с неясными очертаниями, включавшую в себя рабочих и хозяев мелких ремесленных лавок, или же малочисленную аристократию, стремившуюся воплотить в жизнь проект меритократической республики и создать в собственной среде условия, при которых можно было бы достичь положения в обществе исключительно благодаря своим талантам?

Не следует, однако, полагать, что все представители буржуазных кругов находились в центре политической жизни. Тем не менее, все они хотели узаконить новый режим, не имевший ничего общего, ни с якобинской революцией, ни с роялистской реакцией. Буржуазная республика пыталась достичь этой цели, усилив исполнительную власть и со-

³⁰ *Boulay de la Meurthe*. Du gouvernement représentatif // *Le Journal de Paris*. № 77. 17 frimaire an VIII [8 décembre 1799].

хранив свой политический статус, определившийся в период с сентября 1797 по ноябрь 1799 г. Неудачи Директории лишь предвосхитили установление режима Консульства.

* * *

В заключение стоит задаться вопросом, почему этой общественной группе, обладавшей экономическим, политическим и административным влиянием, не удалось одержать победу в идеологической борьбе и оформиться в качестве отдельного класса? Вместо этого буржуазия зачастую была представлена как незначительная группа, существование которой не замечают некоторые историки. Было ли это превосходной уловкой со стороны господствующего класса, стремившегося скрыть свою реальную власть, тайной революции или же мифом о существовании буржуазии? Некоторое объяснение можно найти в изданном в 1808 г. «Словаре простонародных выражений и оборотов речи, используемых в народе»:

«Буржуа. Он прогуливается с тростью в руках, подобно парижанину. Применимо также к сделавшему состояние торговцу, который впоследствии отошел от дел. Это выражение используется и в ироничном смысле в отношении безработного рабочего, ведущего праздный образ жизни»³¹.

Можно предположить, что именно подобная коннотация, связанная с показным бездействием буржуа, на которую указывает словарь, легла впоследствии в основу парижского жаргона. Слово «буржуа» стало синонимом образа жизни раттье и праздности, поэтому так называли в шутку предающегося лени рабочего. Далее в статье говорится:

«“Это действительно буржуа” – у простонародья означает глупец, проstack. Манера разговора, к которой прибегали в высших кругах общества с целью принизить тех, кто находился на низшей ступени социальной лестницы».

Будучи оскорбительным для народа, синонимом заурядности с точки зрения тех, кто занимал определенное общественное положение, это слово обозначает того, кто вновь становится незаметным, не имеющим особого значения членом общества, неуловимым буржуа? «Мой буржуа, – указывается в заключение статьи, – именно так рабочие называют нанявшего их на работу господина».

³¹ Dictionnaire du bas langage ou des manières de parler usitées parmi le peuple ouvrage dans lequel on a réuni les expressions proverbiales, figurés ou triviales, les sobriquets, termes ironiques et factieux, les barbarismes, solécismes, et généralement les locutions basses et vicieuses que l'on doit rejeter de la bonne conversation. 2 vol. P., 1808.

Иными словами, в «Словаре простонародных выражений» дается фактически то же самое определение, что и в Словаре Французской академии. Тем не менее, для некоторых термин «буржуа» имел вполне определенное значение, подразумевая того, кто сумел добиться контроля над рынком труда, обеспечив себе тем самым господствующее положение в экономической и социальной сфере до тех пор, пока, из-за превратностей политической жизни в его руках не оказалась судьба Республики центра – режима, установленного Конституцией III года Республики, который тщетно пыталась сохранить Директория.

Список литературы

- Allouche E.* Plaine, marais ou tiers parti à la Convention Nationale, 1792-1795: historiographie et perspectives de recherches. Thèse DEA. P.: Paris I, 2004. Annales Historiques de la Révolution Française. 1956. № 19.
- Au temps des Merveilleuses, la société parisienne sous le Directoire et le Consulat. P.: Paris-Musées, 2005.
- Beningo F.* Specchi della rivoluzione, conflitto e identità politica nell'Europa moderna. Roma : Donzelli, 1999.
- Bourdieu P.* La noblesse d'Etat, Grandes écoles et esprit de corps. P. : Minuit, 1989.
- Cobban A.* The Myth of the French Bourgeoisie. An inaugural lecture delivered at University College, London 6 may 1954. L.: H.K. Lewis, 1955.
- Considérations sur la situation intérieure de la France par L. Bienvenue, habitant de La Décade, philosophique, littéraire et politique / Par une société de Gens de Lettres. 20 thermidor an V [7 août 1797].
- Darnton R.* Le grand massacre des chats. P.: Hachette, 1985.
- Dictionnaire de l'Académie française. 5me éd. T. 1: A-K. P.: Chez Smits et C, an VI [1798].
- Dictionnaire du bas langage ou des manières de parler usitées parmi le peuple ouvrage dans lequel on a réuni les expressions proverbiales, figurés ou triviales, les sobriquets, termes ironiques et factieux, les barbarismes, solécismes, et généralement les locutions basses et vicieuses que l'on doit rejeter de la bonne conversation. 2 vol. P. : Hausmann, 1808.
- Discours du 5 messidor an III de Boissy d'Anglas // Moniteur Universel. 1795. № 25.
- Higonnet P.* Class, Ideology, and the Rights of Nobles during the French Revolution. Oxford: Clarendon Press, 1981.
- Hobsbawm E.J.* The Making of a Bourgeois Revolution // The French

- Revolution and the Birth of Modernity / Ed. by F. Féher. Berkeley-Los Angeles: University of California press, 1990.
- Journal des hommes Libres. № 135. 2 ventôse an IV [13 mars 1796].
- La Décade. 20 thermidor an V 7 août 1797
- Le Journal de Paris. № 77. 17 frimaire an VIII [8 décembre 1799].
- Luzatto S.* L'automne de la révolution, Luttes et cultures politiques dans la France thermidorienne. P: Champion, 2001.
- Mathiez A.* Le Directoire, du 11 brumaire an IV au 18 fructidor an V. P.: A. Colin, 1934.
- Maza S.* The myth of the French Bourgeoisie. An Essay on the Social Imaginary. Cambridge (Mss.): Harvard University, 2003
- Mercier L.-S.* Tableau de Paris / Éd. par J.-Cl. Bonnet. P.: Mercure de France, 1994.
- Migliorini L.M.* Napoléon, P.: Perrin, 2004.
- Positions 1964-1975. P.: éd. Sociale, 1977.
- Serna P.* Antonelle, aristocrate révolutionnaire, 1747-1817. P.: Le Félin, 1997.
- Serna P.* Existe-t-il un extrême centre ? Le point aveugle de la république directoriale, l'exemple de La Décade // Des notions-concepts en révolution / Sous la dir. de J. Guilhamou et R. Monnier. P. : Société des Etudes robespierristes, 2003.
- Serna P.* La république des girouettes, 1789-1815 et au delà une anomalie politique : la France de l'extrême centre. Seyssel: Champ-Vallon, 2005.
- Serna P.* Le dictionnaire roturier de Furetière ou le noble démystifié par l'alphabet // Littérature classique. 2003. № 47
- Waquet J.-C.* La conjuration des dictionnaires : vérité des mots de la politique dans la France moderne. Strasbourg: Presses Universitaires de Strasbourg, 2000.
- Winock M.* La fièvre hexagonale : les grandes crises politiques de 1871 à 1968. P.: Calman-Lévy, 1986.
- Woronoff D.* La République bourgeoise de Thermidor à Brumaire, 1794-1799. P: Seuil, 1972.

Serna P. Was Directory a Republic of the Center? A Delusive State of Imperceptible Bourgeois

The dominant role of the bourgeoisie in the revolutionary events in the 18th century France has been recently doubted by some historians who raised the problem of the bourgeois myth. This social category made an important afford to maintain its position after the French Revolution using its economic and political influence. However it didn't manage to establish its social identity probably because of the fact that its representatives were intentionally trying to disguise their real purposes. Nevertheless, they retained political and financial instruments at the time of the Republic of the Centre, the regime which was set up by the Directory.

Keywords: the French Revolution, bourgeoisie, Directory.

А.А. Митрофанов

ВЗГЛЯД НА РЕВОЛЮЦИЮ ИЗ СОВРЕМЕННОСТИ: БЕСЕДА С ПЬЕРОМ СЕРНА¹

Автор предлагает вниманию читателей интервью с известным французским исследователем, последним директором Института истории Французской революции Пьером Серной, который рассказывает об истории возглавляемого им в тот момент, а ныне закрытого Института, о своем творчестве, о современном состоянии во Франции исследований, посвященных Революции, о кризисе идентичности, переживаемом сегодня Пятой республикой. Особое внимание уделяется изучению такой, долгое время игнорировавшейся историками теме, как упрочение республиканских институтов в эпоху Директории, и такому, напротив, широко обсуждаемому сюжету как феномен Террора, для объяснения которого П. Серна обращается к традиционной для республиканцев «теории обстоятельств».

Ключевые слова: Французская революция XVIII в., Институт истории Французской революции, Директория, Террор, идентичность.

Это интервью с профессором университета Париж 1 Пьером Серной, известным исследователем, возглавлявшим с 2008 г. Институт истории Французской революции (ИИФР), было записано в ноябре 2010 г., во время первого в его жизни визита в Москву. Впрочем, тогда текст, по техническим причинам не попал в очередной выпуск «Французского ежегодника» и остался в архиве автора. Быть может, до его публикации дело бы так и не дошло, если бы не событие, потрясшее всё мировое сообщество историков Революции: 1 января 2016 г. ИИФР прекратил свое существование, растворившись в еще одном структурном подразделении Университета Париж 1 – Институте новой и новейшей истории. Соответственно, предлагаемая ниже вниманию читателей беседа с десятым и последним директором ИИФР – уже сама по себе стала историческим источником, повествующим о жизни ушедшего в прошлое учреждения, которое на протяжении восьми десятков лет было одним из флагманов мировой историографии Французской революции.

– Господин Серна, расскажите, пожалуйста, об Институте, который вы возглавляете. У него долгая история. Что он представляет

¹ Текст подготовлен к печати при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 14-18-01116).